Metaforicheskoe modelirovanie kak sposob reprezentacii koncepta «moda» // Nauka o cheloveke: gumanitar. issled. 2014. № 1 (15). S. 224–229.]

ЭИС — *Вострикова О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в 5 вып. Екатеринбург, 2000. Вып. 3 : Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. 200 с. [Vostrikov O. V. Tradicionnaja kul'tura Urala : jetnoideograficheskij slovar' russkih govorov Sverdlovskoj oblasti : v 5 vyp. Ekaterinburg, 2000. Vyp. 3 : Narodnaja jestetika. Sem'ja i rodstvo. Obrjady i obychai. 200 s.]

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М., 1974–. Вып. 1–. [Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov: praslav. leksich. fond / otv. red. akad. O. N. Trubachev. M., 1974–. Vyp. 1–.]

Статья поступила в редакцию 25.05.2014 г.

УДК 81:39 + 81'373.6

Е. Л. Березович

О СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ

Семантико-мотивационная реконструкция лексики в современном языкознании является не только частью процесса этимологизации слов, но и становится самостоятельной областью лингвистического исследования, тесно связанной с лексико-семантической типологией, изучением языковой картины мира и др. В статье обосновывается широкое понимание семантико-мотивационной реконструкции, определяются ее задачи, рассматриваются единицы ее категориального аппарата (семантико-мотивационная параллель, семантико-деривационный комплекс, деривационно-фразеологическое гнездо, семантико-мотивационное поле и др.), описываются некоторые методические приемы семантико-мотивационного анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантико-мотивационная реконструкция; этимология; лексическая семантика; семантический переход; семантическая параллель; семантическая типология; этнолингвистика.

Слово *реконструкция* обычно ассоциируется с существенной исторической глубиной, древностью. В лексикологии употребителен термин *семантическая реконструкция*, под которым чаще всего понимают одну из составляющих этимологического анализа, позволяющую восстановить исходный (первичный) смысл слова, который, как правило, скрыт от носителей языка толщей времени и не представлен в синхронной речевой практике.

В одном из своих докладов, сделанном более 30 лет назад, О. Н. Трубачев отметил, что «р е к о н с т р у к ц и я л е к с и ч е с к и х з н а ч е н и й <разрядка автора цитаты> решительно отстает в своей методике. Ее роль пассивна и вспомогательна, о ней вспоминают, когда “что-то не так”» [Трубачев, т. 1, с. 109]. За последние десятилетия в этой области был накоплен существенный новый опыт, но кардинальный сдвиг, по всей видимости, не произошел. Сетования ученых продолжаются — и признание семантической реконструкции самой

© Березович Е. Л., 2014

слабой стороной этимологического анализа стало, по мнению Ж. Ж. Варбот, уже традицией [Варбот, с. 69].

Одна из причин такого положения в том, что история значений слов с трудом поддается систематизации вследствие слиянности судеб слов и вещей (точнее, их ментальных репрезентаций), а также яркой индивидуальности семантического пути слова — гораздо более выраженной, нежели путь фонетический или словообразовательный. При семантической реконструкции важную роль играет способность этимолога «переступить пределы очевидного и высоко вероятного в области лексических соответствий и работать в рискованной сфере гипотетического» [Malkiel, 1962, p. 200]. Здесь чаще всего проявляются существующие вне схем и алгоритмов, неформализуемые черты этимологического поиска, которые остроумно описал Я. Малкель: «творческая, артистическая составляющая», особая роль «озарения, внезапного понимания, “Einfall”» — мгновенного и непредсказуемого, и даже «приступы полностью безрассудного импрессионизма, беспорядочно играющего теми элементами рационализма, которые до сих пор придавали этимологии научно-респектабельный вид» [Ibid., p. 201, 202, 203].

Чтобы снизить риск непроверяемой гипотетичности и преодолеть «безрассудный импрессионизм», следует максимально систематизировать материал, подвергаемый семантической реконструкции. В свете этого исключительно важным признается создание семасиологического словаря (т. е. словаря семантических переходов) на материале широкого круга языков [Трубачев, т. 1, с. 316] (идею составления такого словаря одним из первых предложил И. Шрепфер на Лондонском лингвистическом конгрессе в 1952 г., см. [Schröpher]). Речь идет, как правило, о древних переходах вроде «рождать(ся) → знать (человека)», «таять → молчать», «поить, совершать возлияния → петь», «скот ↔ имущество» и др. [Трубачев, т. 1, с. 316–317]. О трудах славянских этимологов (Я. Розвадовского, О. Н. Трубачева, Э. Гавловой, Г. Поповской-Таборской, Х. Карликовой), обосновывающих необходимость создания такого словаря и разрабатывающих некоторые его принципы, см. в [Jakubowicz, s. 71–82; Толстая, 2012, с. 336–337]. Попытка создания фрагмента словаря (на материале славянских прилагательных, обозначающих физические и психические характеристики человека) представлена в [Jakubowicz]. Словарь призван сделать направленной и надежной одну из наиболее употребительных процедур семантического анализа в этимологии — «подбор семантических параллелей к предполагаемому развитию значений анализируемого слова» [Варбот, с. 69]. С его помощью можно было бы преодолеть «спорадичность» и «точечность» процедуры подбора параллелей: сегодня этимология обращается к ним «не систематически, а, так сказать, окказионально, по мере необходимости и в пределах решения конкретной этимологической задачи; сама же “грамматика” (закономерности, регулярности) семантических отношений не входит в ее задачи» [Толстая, 2003, с. 549].

В то же время опыт последних десятилетий «семантического бума» в лингвистике убеждает в том, что учет семантических переходов может играть далеко не только роль «лопаты этимолога». Их исследование значимо и в *типологическом плане*: семантическая типология «ставит своей целью изучение семантической структуры слова (словообразовательного или этимологического

гнезда <...>), возможных для них сочетаний смыслов, типов изменений смыслов (семантические переходы) в рамках данного слова или гнезда слов» [Толстая, 2013, с. 142][1]. Семантическая типология разрабатывается в пространстве как близкородственных языков, так и языков, связанных отношениями дальнего родства (ср., к примеру, работу Г. М. Яворской, где рассматриваются типологические параллели на материале английских и русских прилагательных со значением физических характеристик человека [Яворская, с. 47–95]), а также неродственных языков. В настоящее время готовится фундамент, позволяющий вести широкое семантико-типологическое исследование лексического материала разных языков мира, ср. проект «Типология семантических переходов в языках мира», в рамках которого создается «Каталог семантических переходов»[2].

Изучение закономерностей семантического развития слов должно способствовать объединению позиций разных областей семантики — синхронной *vs* диахронной, «монолингвальной» *vs* контрастивной *vs* типологической, призванных построить общую теорию смыслопорождения в лексической системе языка. О важности сближения подходов к диахронной и синхронной интерпретации слов писал В. Н. Топоров: «Нас интересует этимология слова, возникшего, положим, в третьем тысячелетии до новой эры, и мы довольно категорично предлагаем свое решение. Но ведь если мысленно представить, что некая “машина времени” перенесет нас в ту отдаленную эпоху и ее язык станет нашим родным языком, мы все-таки не сможем выяснить многие этимологические вопросы, связанные с данным словом, поскольку у нас нет пока средств анализа этимологии в синхронном плане. <...> П о э т о м у х о т е л о с ь б ы п р е ж д е в с е г о п о д ч е р к н у т ь п е р в о с т е п е н н у ю в а ж н о с т ь с и н х р о н и ч е с к о г о п о д х о д а к э т и м о л о г и и , п р е д п о л а г а ю щ е г о в ы я с н е н и е м о т и в и р о в а н н о с т и д а н н о г о с л о в а в н у т р и к а ж д о й и з с и с т е м , п е р е с е ч е н и е к о т о р ы х и о б р а з у е т э т о с л о в о <разрядка автора цитаты>» [Топоров, с. 30]. При таком сближении в сфере диахронной семантики должны применяться инструменты системно-структурного анализа, ср. формулировку задач семантической реконструкции применительно к многозначным словам праславянского происхождения, предложенную С. М. Толстой: «выявить логику развития праславянского слова, определить импульсы и механизмы, лежащие в основе семантических процессов (метафорические и метонимические переносы, семантическая иррадиация, конкуренция и взаимодействие семантических моделей, внешнее влияние, калькирование и т. п.), структурировать набор значений и раскрыть (“объяснить”) его внутреннюю иерархию, наконец,

[1] Понимаемая таким образом семантическая типология разграничивается с л е к с и ч е с к о й, предполагающей «изучение того, как средствами лексики “обеспечивается” и членится то или иное денотативное поле (область действительности и соответствующая понятийная область), какие свойства и отношения реальных объектов оказываются релевантными для их номинации» [Толстая, 2013, с. 142]. О лексической типологии см. также в [Бонч-Осмоловская, Рахилина, Резникова; AQUAMOTION; Brown; Koch; Koptjevskaja-Tamm, и др.]. Подходы семантической и лексической типологии могут быть совмещены в л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к о й т и п о л о г и и [см.: Дыбо; Толстой, 1963; 1966; Толстая, 2013].

[2] Проект разрабатывается сотрудниками Института языкознания РАН; см. публикации, в которых содержится обоснование и некоторые шаги в области его реализации: [Зализняк Анна А., 2006, с. 392–417; 2013, с. 387–430; Грунтов; Руссо, 2008; Zalizniak Anna A., Ganenkov; Zalizniak Anna A. et all; и др.].

отделить “типовые” сочетания значений, связанные с явлением регулярной (категориальной) многозначности, от “индивидуальных” случаев совмещения разных значений в рамках одной лексической единицы» [Толстая, 2008, с. 13–14]. Эти задачи могут быть решены с помощью специальных исследований, «которые опирались бы не на голый перечень значений, приводимых в этимологическом словаре и сформулированных к тому же обычно в самом общем виде, а на по возможности подробный анализ контекстов (тем самым и стоящих за ними реальных ситуаций) и особенностей употребления слова в каждом языке» [Там же, с. 14].

Анализ употреблений слов поможет уменьшить долю умозрительных построений в области диахронической семантики. Нехватка знаний о реальном развитии значения провоцирует специалистов на создание сугубо логических цепочек развития значений (с не засвидетельствованными в языковой практике промежуточными звеньями) или на логическое конструирование фрейма — структуры знаний, информации об определенном фрагменте человеческого опыта: «Дело, однако, в том, что объективное современное знание лексического значения и энциклопедическое, экстралингвистическое знание предмета, также часто включаемое в понятие фрейм, не обязательно соответствуют значению слова и пониманию предмета носителями языка в момент возникновения слова» [Варбот, с. 73]. Необходима верификация логических конструктов, проверка их внутри языковой системы — и здесь как раз должны помочь семантические параллели, контекстные связи слова и пр.

Вышесказанное свидетельствует о том, что семантическая реконструкция становится, по сути, отдельной областью лингвистических исследований, в рамках которой решается задача восстановления всего комплекса факторов (собственно языковых, ментальных, культурно-прагматических), способствовавших формированию и развитию значения слова, ср. трактовку исторической реконструкции как «моделирования ситуации порождения и последующей жизни слова» [Там же]. Иначе говоря, при широком понимании семантической реконструкции она подразумевает «восстановление семантической структуры слова (или группы слов), его семантических связей с другими словами и его семантических изменений независимо от праязыковой перспективы, применительно к любому этапу его развития» [Толстая, 2013, с. 141].

Семантическая реконструкция иногда требуется и для тех смыслов, которые отдалены от нас не толщей веков, а двумя-тремя десятилетиями или еще более коротким временным интервалом. «Современный» пример: в 1980-е гг. имя «Романтик» мог получить, допустим, студенческий строительный отряд, который прокладывал дорогу в тайге; клуб для детей, занимавшихся изготовлением моделей парусников, и т. д. Среди «претендентов» на это имя никак не мог быть пляжный лежак, который, однако, получил его в первое десятилетие века нынешнего. Между этими номинациями смысловая пропасть, созданная тем ускоренным семантическим временем, в котором живет язык в эпоху общественных катаклизмов. Для того чтобы понять, как сложилась номинативная ситуация в том и в другом случае, необходимо изучить массу контекстных

употреблений слов *романтик*, *романтика*, *романтический*, принадлежащих к указанным временным срезам, определить особенности сочетаемости *романтики*, охарактеризовать ее «предметное поле» и т. п. Эти процедуры можно считать семантической реконструкцией (и если исследователи старшего возраста могут контролировать процесс восстановления значений слова «изнутри», потому что в обоих случаях находятся «в контексте», то для молодых ученых эта процедура мало чем отличается от задачи семантической реконструкции слов, относящихся к глубокой древности).

Если включать в задачи реконструкции прослеживание всей семантической жизни лексической единицы, то последняя может рассматриваться как звено в цепочке смыслопорождения, которое вбирает в себя мотивирующие смыслы от производящей основы — и вместе с тем передает свой мотивационный потенциал собственным дериватам, ср. положение С. М. Толстой о «правой» и «левой» мотивации как двух измерениях слова: слово одновременно выступает как мотивированное («левая» мотивация) и как мотивирующее («правая» мотивация) [Толстая, 2008, с. 192]. В том случае, если левая или правая мотивация затемнены, для предполагаемой мотивирующей основы или дериватов подбираются параллели, что позволяет говорить о реализации двух встречных исследовательских программ — ономасиологической (от смысла к слову) и семасиологической (от слова к смыслу).

Отсюда обоснование термина семантико-мотивационная реконструкция: в нем акцентируется неразрывная связь семасиологической и ономасиологической сторон анализа, учет ситуации номинации, способствовавшей возникновению лексической единицы и предопределяющей семантическое развитие. Иными словами, введение в состав термина компонента *мотивационный* напоминает о значимости ономасиолого-мотивологической составляющей исследования. Внутри одной семантической модели могут действовать разные мотивационные модели. Так, на базе этнонимов нередко образуются наименования растений, в основу которых могут быть положены различные мотивационные признаки — даже в том случае, когда мы имеем дело с одним и тем же производящим словом. К примеру, растение тамарикс, среди названий которого рус. *жидовник* и *жидовинник*, чеш. *židovin(n)ík*, произрастает (в числе других мест) на Синае и в Аравии. По легенде, высохший сладкий сок одного из видов тамарикса (*Tamarix mannifera*) представляет собой манну, которой питались евреи во время скитаний по пустыне [Анненков, с. 347–348; Machek, s. 70–71; Колосова, с. 113], ср. также другие названия тамарикса — *божье дерево*, *калмыцкий ладан* [Анненков, с. 348]. Можно предположить, что в названиях *жидовник* и *židovin(n)ík* отражена указанная легенда. В то же время от этнонима *жид* образуются и такие фитонимы, как костр. *жидовка* ‘осот’, влг. *жидовское кресло* ‘бодяк болотный’, которые реализуют широкую модель номинации сорных колючих растений (чертополоха, репейника, осоки и т. п.) с помощью этнонимов: рус. казан., нижегор., сарат. *мордовник*, симб. *бусурманская трава*, серб. *турек*, болг. *черкезки тръни*, словац. *ruský tŕň* («русская колючка»), англ. *Gipsy* («цыган»), *Russian thistle* («русский чертополох»), карел. *ruoccihein'ä* («шведская (финская) трава»), фин. *lapinsara* («саамская осока»)

и т. п. (подробнее см. [Березович, 2008, с. 45]). Эти фитонимы не дают представления о месте произрастания трав, но воплощают оценочные признаки «дикий», «вредный», «неприятный». Таким образом, если бы игнорировалась мотивация, можно было бы построить для *жидовника* и *жидовки* ошибочный ряд параллелей.

Расстановка акцентов, о которых говорилось выше, предполагает учет мотивологической составляющей и в определении семантической параллели. Последней дается такая дефиниция: «Воспроизведение некоторого семантического перехода в другом слове называется семантической параллелью» [Зализняк Анна А., 2006, с. 399; 2013, с. 393]. При этом «под “семантическим переходом” понимается факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции» [Зализняк Анна А., 2009, с. 107]. Эти определения могут быть приняты только при условии, что под «фактом совмещения значений» подразумевается и логика связи между ними, а «воспроизведение перехода» есть в то же самое время воспроизведение этой логики. Разумеется, мотивация (явление, в значительной мере определяемое факторами «надъязыковыми» — ментальными и культурными) далеко не всегда может быть восстановлена (и нередко такое восстановление носит сугубо гипотетический или же ошибочный характер). Реконструкция мотивации может быть проведена после того, как переходы и параллели обнаружены «статично» — как пары словесных «точек», между которыми когда-то проходили (или проходят сейчас — возможно, по новой траектории) смысловые линии. Необходимо попытаться прорисовать эти линии, отсюда понимание семантических (семантико-мотивационных) параллелей как лексических рядов, демонстрирующих сходные модели смыслового развития слов, в рамках которых воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация.

Как говорилось выше, семантико-мотивационная реконструкция является частью процесса этимологизации слов, но вместе с тем может быть отдельной областью лингвистических исследований. В настоящее время формируются наши представления о предметном поле семантико-мотивационной реконструкции, ее категориальном аппарате, объектах анализа, для которых такая реконструкция наиболее результативна; ее процедура «обкатывается» применительно к различным лексическим группам. Судя по складывающемуся положению дел, семантико-мотивационная реконструкция избирается как самостоятельная область анализа чаще всего в тех случаях, когда изучаются лексические единицы, представляющие собой результат вторичной номинации или ее источник (но могут быть и тем, и другим – и, соответственно, имеют семантическую мотивированность или сообщают ее другим словам). Такой материал может не ставить перед исследователем сугубо этимологические проблемы, предполагающие собственно корневую идентификацию, учет фонетико-словообразовательных закономерностей и пр. Проблемы состоят главным образом в реконструкции мотивировки и обнаружении историко-культурного контекста, стоящего за словами. Подобная реконструкция, как правило, невозможна для отдельного, рассматриваемого вне системных связей, изолированного слова; его необходимо поместить в мотивационный ряд, восстановить

звенья сети, которая соединяет изучаемое слово с другими, обнаружить структуру этой сети. Так будет прояснена мотивация слова, через которое мы «вошли» в сеть, а также других связанных с ним лексических единиц.

Остановимся подробнее на описании тех лексико-семантических объектов, которые подвергаются семантико-мотивационной реконструкции.

Изучая мотивационный потенциал какого-либо слова, следует возможно более полно собрать комплекс лексических и фразеологических единиц, для которых данная лексема является мотивирующей. Полученное объединение слов можно условно назвать семантико-деривационным комплексом (или деривационно-фразеологическим гнездом). В этот комплекс входят лексемы, возникшие в результате собственно семантической деривации (понимаемой как порождение одного лексического значения от другого) и семантико-словообразовательной деривации на основе вершинного слова, а также фразеологизмы с его участием. Например, при реконструкции семантики рус. *ад* выявляются его смысловые «восприемники», среди которых семантические дериваты вроде диал. *ад* ‘глотка, рот’, семантико-словообразовательные — *адать* ‘много и с жадностью есть’, устойчивые сочетания — *ад живоглотный* (*бездённый*, *змеиный*), *как ад* (*жрать*) ‘о том, кто много ест’ и пр.; в них проявлен мотив пожирания, имеющий особую значимость в картине «русского ада» [см.: Березович, 2010]. Семантические дериваты воплощают в себе ту часть выраженного в вербальной форме знания о явлениях действительности, которая наиболее устойчива, верифицирована системой языка и даже в известной мере создана ею — в процессах разного рода внутриязыковых притяжений и сближений. В семантических дериватах часто высвечиваются смысловые компоненты, незаметные в исходном значении слова (так, упомянутый выше мотив пожирания в образе ада не учитывается в словарной дефиниции соответствующей лексемы), но тем не менее значимые для говорящего, который использует их в ходе интеллектуального «скачка», сопровождающего рождение вторичных значений. Это объясняет целесообразность обращения к деривационной семантике слова — комплексу значений его семантических и семантико-словообразовательных дериватов[3].

Важная информация кроется и во фразеологической семантике слова, проявляющейся в тех смысловых связях, которые устанавливаются у слова в составе идиоматических сочетаний, устойчивых сравнений и пр. Фразеологические конструкции — чуткий барометр семантических сдвигов. При включении слова в состав фразеологизма его смысловой состав приходит в движение, одни смыслы укрупняются и акцентируются, другие отходят на второй план. К примеру, выражения вроде рус. яросл. *кожу морщить* ‘капризничать’, волгоград. *шкура*

[3] По сути, деривационная семантика в этом понимании может быть названа ассоциативно-деривационной. Ср. положение Д. Н. Шмелева о том, что в результате семантической деривации значения слов, обладающих полисемией, нередко объединяются на базе ассоциативных признаков, которые могут не проявляться эксплицитно в первичном значении слова. Такие лексические единицы связаны ассоциативно-деривационными отношениями со своими основами [Шмелев, с. 335]. Понятие ассоциативно-деривационной семантики использовано в кандидатской диссертации А. В. Тихомировой [Тихомирова].

свербит у кого ‘о сильном желании, нетерпении’, блр. *кожа лопаецца*, *трэскаецца* ‘о несдерживаемом самовольстве’ свидетельствуют о том, что в семантике слов *шкура* и *кожа* скрыто присутствует и может актуализироваться представление о коже как «проводнике» сильных желаний, эмоций. «Барьерная» символика кожи, находящейся между внутренним миром человека и окружающей действительностью, здесь не отражена. Такая символика проявлена в болг. *топя се в кожата си* («таять / топиться в своей коже») ‘страдать, мучиться, сердиться молча, не показывая своих чувств’, рус. костр. *топить в коже* ‘скрывать чувства’ и др. [подробнее см.: Березович, Седакова].

Пути развития значений изучаемого слова иногда легко прочитываются и просчитываются, а иногда переход бывает необычным, нетривиальным. Среди нетривиальных переходов чаще всего встречаются метафорические или же совмещающие метафору с другими способами развития значений (преимущественно с метонимией). Чем менее тривиален переход, тем менее предсказуема та зона, где может быть найдена параллель, и тем более масштабный поиск параллелей должен быть проведен (даже если в круг задач исследователя входит работа только с одним словом). Так, польская исследовательница А. Тырпа обнаружила следующее красивое, но странное лексическое соответствие: «Изумляет повторение языковых моделей и сходных языковых фактов в отдаленных странах. Например, в болгарском языке выражение *ewrejski westnik* (“еврейская газета”) означает косточки тыквы, а в польском говоре Спиша оборот *czytać żydowską gazetę* (“читать еврейскую газету”) значит ‘вынимать и есть семечки подсолнечника’. Откуда это совпадение? Как фразеологизм исколесил несколько стран и в каких направлениях? Быть может, существует общий источник для обоих вариантов? Почему косточки тыквы и семечки подсолнечника ассоциировались с еврейской газетой?» [Тырпа, с. 56]. Здесь чувствуется необходимость в дополнительном языковом материале. Интересен такой факт: в просторечии Екатеринбурга, жители которого закономерно интересуются сокровищами родного «Каменного пояса», бытует обозначение письменного гранита, с детства известное автору этой статьи, — *еврейская газета* (есть и раритетный вариант *китайская грамота*). Это вариации более распространенного названия, попадающего даже на страницы различных энциклопедических словарей и энциклопедий, — *еврейский камень* ‘разновидность пегматита, в котором полевой шпат и кварц, прорастая один в другом, образуют структуру, напоминающую древние письмена’[4]. Прозрачный «каменный» образ проливает свет на образы «растительные»: семечки и косточки своим цветом, многочисленностью и расположением (особенно у подсолнечника, когда его едят, оставляя просветы на темном фоне семян) могут напоминать затейливую и непонятную буквенную вязь.

Для нахождения таких «неожиданных» параллелей, играющих решающую роль в семантической реконструкции отэтнонимических наименований, нужно «опережающее» систематическое изучение закономерностей деривации на

[4] К образу пегматита апеллирует, например, А. М. Городницкий в стихотворении «Камни»: «Потому ли, что Бог, о идущих к нему вспоминая, / Эти камни горячие сыпал со склона Синая, / Где над желтой рудой, в голубой белизне пегматита / Прорастали слюдой непонятные буквы иврита?».

основе этнонимов. В этом и подобных случаях целесообразна групповая семантико-мотивационная реконструкция, предполагающая изучение семантико-деривационных комплексов, вершинные слова которых объединены различными системными отношениями — синонимическими, гипо-гиперонимическими, антонимическими и др.

Семантико-деривационные комплексы раскрывают семантическую перспективу вершинного слова. Но у лексической единицы, как говорилось выше, есть не только «перспективное» правое мотивационное измерение, но и «ретроспективное» левое (в рамках которого устанавливается связь с мотивирующим словом). По отношению к левой мотивации тоже могут быть подобраны семантико-мотивационные параллели, причем их учет особенно значим, поскольку здесь обычно требуется более глубокий уровень реконструкции.

Если взять какое-либо лексико-семантическое поле и раздвинуть его границы, учитывая мотивационное «прошлое» и «будущее» его элементов, то мы получим новое лексическое объединение, которое можно было бы условно назвать семантико-мотивационным полем. Иначе говоря, в семантико-мотивационное поле входят единицы определенного лексико-семантического поля, выделенного на синхронных основаниях, а также те лексемы и фраземы, которые связаны с ними отношениями семантической мотивации — как «правой», так и «левой». К примеру, в состав лексико-семантического поля, объединяющего слова со значением некровного и «аномального» (нарушенного) родства, входят обозначения мачехи, пасынка, вдовы, сироты и др. Если расширить это поле до семантико-мотивационного, то следует учесть способность его слов выступать и донорами, источниками мотивационных отношений, и реципиентами, поскольку они принимают мотивационные импульсы от других лексических единиц. Донорами они будут для карел. *вдовица* ‘рыба черного цвета’, печор. *мачехина береста* ‘березовая кора, вновь выросшая на ободранном месте ствола’, амур. *сироты плачут*, *заплачут* ‘о дожде при солнце, затяжном дожде’ и т. п. Реципиентные отношения связывают перм. *старый подовинник* ‘старый холостяк’ со словом *подовинник*, обозначающим большое и толстое бревно для растопки овина (ср. болг. *огорел*, *опален пън* ‘о холостых и бездетных’) или же арх. *пукша* ‘вдова, к которой по ночам является умерший муж’ с *пукша* ‘сова’ [подробнее см.: Березович, 2013а]. Мотивационные признаки или образы, проявившиеся «слева», легшие в основу одних слов исходного (синхронно выделенного) лексического поля, могут повторяться и «справа», т. е. реализовываться в дериватах на основе других слов этого же поля. Это одно из проявлений единства семантико-мотивационного поля. Например, членов семьи, потерявших своих родственников (сирот, пасынков, вдов), сравнивают с битой посудой или черепками от нее — тем самым выражается идея нецелостности семьи, распавшейся на осколки. В основу слов, называющих этих «неполноценных» родственников, могут быть положены обозначения разбитой посуды: рус. костр. *острепёток* ‘сирота’, влг. *оскрепетина* ‘вдова’ (ср. влг., костр. *оск*(*т*)*репёток* ‘черепок посуды’), олон. *битый горшок* ‘о вдове’; и наоборот — от слов, обозначающих родственников, образуются наименования черепков: костр. *сиротки*, ср.-урал. *пасынки* ‘черепки разбитой посуды’ [Там же].

В ходе семантико-мотивационной реконструкции могут быть применены различные вспомогательные приемы и установки анализа. Назовем некоторые из них.

• Поиск семантико-мотивационных параллелей, как уже говорилось, должен быть направленным, для чего следует провести анализ отношений в лексической системе, который учитывает первичные значения изучаемых слов и вместе с тем «проектирует» их вторичные значения. В отношения точного и полного параллелизма обычно вступают номинативные дублеты или синонимы. К примеру, *шуба* в русских говорах имеет (среди прочих) значение ‘шерстяной покров животных и изготовленный из него материал’ и тем самым является синонимом слова *шерсть*. Соответственно, диалектные фраземы *шубный язык* и *шерстяной язык*, которые обозначают разные виды неполноценной и ненормативной речи, служат самыми точными параллелями друг для друга, совпадающими практически во всем смысловом спектре. Можно ожидать, что параллели (более или менее точные) есть и среди других лексических единиц, которые характеризуют речь и образованы от наименований различных материалов и тканей. И действительно, такие параллели обнаруживаются, при этом более точные совпадения значений из речевой сферы фиксируются у тех лексических единиц, в основе которых лежат названия тканей, близких шерсти (ср. *суконный язык* литер. ‘невыразительный, бледный, шаблонный язык’, диал. ‘картавый, шепелявый язык’ и др., *байковый язык* ‘арго «мазуриков»’), в то время как обозначения тканей и материалов с иной фактурой (*бархат*, *плюш*, *велюр, вата* и др.) порождают неточные параллели (сочетания *бархатный* или *ватный голос* служат для характеристики скорее внешней стороны речи, нежели ее содержания). «Антонимом» же *шерстяному языку* становится *шелковый язык* (диал. ‘плавная, гладкая речь’) [подробнее см.: Березович, Казакова].

Задача «проектирования» вторичных значений у предполагаемых параллелей поначалу видится достаточно простой: чем больше признаков объединяет первичную семантику слов, тем более полным должно быть сходство вторичных значений, поэтому подбор параллелей представляется как прорисовка своеобразных концентрических кругов — сначала самые близкие лексемы, чьи первичные значения отстоят на наименьшее расстояние, затем все более отдаленные. Но за кажущейся простотой кроется существенная трудность, поскольку вторичная семантика нередко основывается на тех признаках, которые не формулируются явно в составе первоначального значения.

Поиск параллелей должен базироваться на ономасиологическом фундаменте: важно выделить свойства названной словом реалии (точнее, составляющие наивного понятия о реалии), концептуализированные в языке (проявляющиеся во внутренней форме слова, в деривационно-фразеологических связях и пр.), затем подбирать другие реалии, имеющие сходные свойства (вызывающие сходное восприятие), и искать называющие их лексические единицы, которые могут исходно принадлежать как к одному, так и к различным лексико-семантическим полям, ср. параллелизм семантического развития обозначений инородцев // «неполноценных» родственников // животных (например, влг. *цыганская зима* [КСГРС] // литер. *сиротская зима* ‘теплая малоснежная

зима'; ср.-приоб. *китайское мыло* // *мыло татарское* // *остяцкое мыло* // *цыганское мыло* // *собачье мыло* // *медвежье мыло* 'растение горицвет' [Арьянова, т. 1, с. 62] и т. п.

• Семантико-мотивационная реконструкция, как говорилось выше, нередко имеет типологический ракурс, при этом может быть реализован как семантико-типологический подход, так и лексико-типологический. В рамках первого подхода выявляется семантическая структура деривационно-фразеологических гнезд. Второй предполагает изучение лексических репрезентантов и способов репрезентации определенного смысла, т. е. экспликацию «номинационной решетки», под которой понимается «способ расчленения явлений действительности лексическими средствами языка» [Дыбо , с. 7].

• Избрав для анализа определенный семантико-деривационный комплекс, необходимо «прощупать» лексическое пространство вокруг вершинного слова для того, чтобы найти те единицы, которые близки ему по форме и значению — и могут стать участниками различных вторичных взаимодействий — паронимической аттракции, контаминации, включения в рифмованные формулы и пр. Эти взаимодействия давно перестали считаться спорадической неожиданностью: «Существование контаминации между семьями, сходными по форме и значению, является скорее правилом, чем исключением; диффузия (в пространстве) и устаревание (во времени) вызывает нестабильность, ускоряющую темп контаминации» [Malkiel, 1954, p. 274]; о закономерном характере процессов вторичных притяжений см. также в [Варбот, с. 130–136]. В ходе таких взаимодействий первичная «семантическая программа» слова может быть пополнена новыми мотивами или вообще пересоздана. Особо пристального внимания заслуживают аттракционные процессы в тех случаях, когда изучаемые слова имеют краткую, «неуникальную» или богатую в плане фоносимволики звуковую оболочку.

• При восстановлении мотивационно-номинативной ситуации, в которой родилось изучаемое слово, важно учитывать прагматический контекст, особенности взаимодействия субъекта номинации и реалии, характер использования реалии, точку зрения говорящего. Например, в русских и чешских говорах есть названия одной и той же пары растений, в которых фигурируют производные от этнонимов. Растение борщевик рассеченный пригодно в пищу, — соответственно, русские и чехи считают его «своим», используя в составе названия автоэтнонимы: сиб. *русская пучка* [СРГС, т. 4, с. 195], чеш. *anjelička česká* [Dial-Brno]. Дягиль низбегающий является диким, «неокультуренным», в пищу не идет — отсюда его названия: сиб. *нерусская пучка* [Арьянова, т. 3, с. 141, 161], чеш. *anjelička ruská* [Dial-Brno]. Таким образом, сходные по внешнему виду растения с компонентом «русский» имеют разную мотивацию — в зависимости от точки зрения народа-номинатора.

• Кроме учета факторов лингвопрагматики, большое значение имеет восстановление культурного контекста, в котором родилось или живет изучаемая лексическая единица. Так, материал народной языковой традиции целесообразно рассматривать на фоне фольклорных текстов, верований, ритуалов, бытовых практик и пр. Например, выражение *садиться не в свои сани* 'не соответствовать общественному положению; браться не за свое дело' может

получить мотивационную интерпретацию, если иметь в виду функцию саней как знака символического языка культуры. Учитывая роль, которую играют сани на всех этапах свадебного обряда, присутствие их образа в свадебном фольклоре, можно подтвердить и развить предположение о том, что в изучаемом фразеологизме отражена ситуация несвоевременного выхода замуж или женитьбы (невеста опережает старшую сестру, жених — старшего брата) [подробнее см.: Березович, 2013б].

Есть и многие другие факторы и приемы анализа (например, использование лингвостатистики, контекстного, дистрибутивного анализа и пр.), перечислять которые здесь нецелесообразно.

Семантико-мотивационная реконструкция нередко становится не только инструментом для прояснения мотивации какого-то слова или группы слов, но и основанием для выводов этнолингвистического плана, наблюдений над спецификой народной символической картины мира, ср. положение О. Н. Трубачева о том, что семантическая реконструкция должна быть признана одним из «общекультурно важных направлений» [Трубачев, т. 1, с. 144–145]. Показательно, что термин семантическая реконструкция используется в метаязыке «широкой» этнолингвистики, оперирующей как языковыми единицами, так и данными других кодов культуры — фольклора, обряда, верований и др.: под ним понимается именно процедура восстановления ситуации, в которой появились элементы символического языка культуры и которая оказалась отраженной в объединяющих их мотивах (ср., в частности, название одной из работ А. В. Гуры — «К семантической реконструкции славянской свадьбы: основные мотивы» [Гура]).

Рассуждая о роли семантико-мотивационных штудий в реконструкции традиционной языковой картины мира, подчеркнем следующее. Более двух десятилетий назад, когда исследования по языковой картине мира захлестнули отечественное языкознание (и многие другие мировые лингвистические школы), отчетливо проявлялась тенденция к «делингвизации» лингвистики: языковой картине мира зачастую навязывались те якобы формирующие ее идеи, которые «вынимались» из трудов философов, социологов, политологов и др., ср.: «Мы выбираем некоторые слова, подбираем для них некоторые удачные контексты и затем радуемся, когда полученные результаты подтверждают известные стереотипы» [Шайкевич, с. 14]. Уровень этих исследований, ставших очень популярными и практически массовыми, иногда оказывался низким — и это немудрено при размывании предметного поля науки, нехватке собственно лингвистического инструментария и пр. Неудовлетворенность таким положением привела к тому, что в настоящее время темпы роста количества работ о языковой картине мира существенно снизились, они стали реже попадать на страницы центральных лингвистических журналов — и довольно отчетливо стали звучать голоса противников «лобового» извлечения этнокультурной информации из языковых данных [см., например: Павлова] или же тех, кто предлагал «объявить мораторий на термины языковая картина мира и картина мира до лучших времен, а пока заняться неспешной работой на материале разных языков» [Шайкевич, с. 19].

Продуктивный выход из этой ситуации видится в том, чтобы трактовать языковую картину мира не столько на внеязыковой основе (особенно если этой основой объявляются такие чрезвычайно субъективные материи, как национальный характер), сколько искать для нее внутрисистемные координаты. С этих позиций предлагается понимать языковую картину мира как структуру лексико-семантических полей и значений слов и шире — считать, что этот термин объединяет «не только типологическое изучение лексико-семантических полей, но и прочие компоненты: типы мотиваций, структуры полисемии отдельных слов, метафорическую сочетаемость, грамматическую категоризацию» [Руссо, 2012, с. 162]. Соглашаясь в целом с этим подходом, отметим все же, что языковая картина мира не может равняться структуре всех компонентов плана содержания языка, а скорее, она является интерпретацией этой структуры. По крайней мере, исследователь может представить ее именно в виде какого-либо интерпретационного конструкта — например, когнитивной дефиниции, ономасиологического или этнолингвистического портрета и др. Нет смысла походя рассматривать здесь такой важный и глобальный вопрос — но стоит заключить: семантико-мотивационная реконструкция, выявляющая все то, что перечислено М. М. Руссо, по сути, и есть наиболее продуктивный и последовательный путь к экспликации народной языковой картины мира.

Анненков Н. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878. 646 с. [Annenkov N. Botanicheskij slovar': Spravochnaja kniga dlja botanikov, sel'skih hozjaev, sadovodov, lesovodov, farmacevtov, vrachej, drogistov, puteshestvennikov po Rossii i voobshhe sel'skih zhitelej. SPb., 1878. 646 s.]

Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья : в 3 т. Томск, 2006–2008. [Ar'janova V. G. Slovar' fitonimov Srednego Priob'ja : v 3 t. Tomsk, 2006–2008.]

Березович Е. Л. Славянская ксенонимия и типология мотивационных параллелей // Славянское языкознание. XIV Междунар. съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.) : докл. рос. делегации. М., 2008. С. 44–68. [Berezovich E. L. Slavjanskaja ksenonimija i tipologija motivacionnyh parallelej // Slavjanskoe jazykoznanie. XIV Mezhdunar. s"ezd slavistov (Ohrid, 10–16 sentjabrja 2008 g.) : dokl. ros. delegacii. M., 2008. S. 44–68.]

Березович Е. Л. Русский *АД* на иноязычном фоне: к сопоставительному изучению деривационной семантики межъязыковых лексических эквивалентов // Вопр. языкознания. 2010. № 6. С. 37–57. [Berezovich E. L. Russkij AD na inojazychnom fone: k sopostavitel'nomu izucheniju derivacionnoj semantiki mezh"jazykovyh leksicheskih jekvivalentov // Vopr. jazykoznanija. 2010. № 6. S. 37–57.]

Березович Е. Л. К семантической реконструкции метафоры родства в славянских языках // Славянское языкознание. XV Междунар. съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. : докл. рос. делегации. М., 2013а. С. 163–185. [Berezovich E. L. K semanticheskoj rekonstrukcii metafory rodstva v slavjanskih jazykah // Slavjanskoe jazykoznanie. XV Mezhdunar. s"ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. : dokl. ros. delegacii. M., 2013. S. 163–185.]

Березович Е. Л. Садиться не в свои сани: этнолингвистический комментарий к фразеологизму // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С. М. Толстой. М., 2013б. С. 169–178. [Berezovich E. L. Sadit'sja ne v svoi sani: jetnolingvisticheskij kommentarij k frazeologizmu // Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira: K jubileju S. M. Tolstoj. M., 2013. S. 169–178.]

Березович Е. Л., Казакова Е. Д. Шерстяной язык: об одной метафоре речевой деятельности // Studia Etymologica Brunensia — 6. Praha, 2009. S. 11–25. [Berezovich E. L.,

Kazakova E. D. Sherstjanoj jazyk: ob odnoj metafore rechevoj dejatel'nosti // Studia Etymologica Brunensia — 6. Praha, 2009. S. 11–25.]

Березович Е. Л., *Седакова И. А.* Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2012. Т. 71. № 6. С. 12–24. [Berezovich E. L., Sedakova I. A. Slavjanskie somatizmy «kozha» i «shkura» i ih vtorichnye znachenija // Izv. RAN. Ser. lit. i jaz. 2012. T. 71. № 6. S. 12–24.]

Бонч-Осмоловская А. А., *Рахилина Е. В.*, *Резникова Т. И.* Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Київ, 2009. С. 8–27. [Bonch-Osmolovskaja A. A., Rahilina E. V., Reznikova T. I. Glagoly boli: leksicheskaja tipologija i mehanizmy semanticheskoj derivacii // Koncept BOL'' v tipologicheskom osveshhenii. Kiïv, 2009. C. 8–27.]

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М. ; СПб., 2012. [Varbot Zh. Zh. Issledovanija po russkoj i slavjanskoj jetimologii. M. ; SPb., 2012.]

Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии : материалы конф. М., 2007. С. 157–161. [Gruntov I. A. «Katalog semanticheskih perehodov» — baza dannyh po tipologii semanticheskih izmenenij // Dialog 2007. Komp'juternaja lingvistika i informacionnye tehnologii : materialy konf. M., 2007. S. 157–161.]

Гура А. В. К семантической реконструкции славянской свадьбы: основные мотивы // Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов. Любляна, 2003 г. : докл. рос. делегации. М., 2003. С. 107–118. [Gura A. V. K semanticheskoj rekonstrukcii slavjanskoj svad'by: osnovnye motivy // Slavjanskoe jazykoznanie. XIII Mezhdunar. s''ezd slavistov. Ljubljana, 2003 g. : dokl. ros. delegacii. M., 2003. S. 107–118.]

Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. [Dybo A. V. Semanticheskaja rekonstrukcija v altajskoj jetimologii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1991.]

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. 672 с. [Zaliznjak Anna A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija. M., 2006. 672 s.]

Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 107–111. [Zaliznjak Anna A. O ponjatii semanticheskogo perehoda // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunar. konf. «Dialog 2009» (Bekasovo, 27–31 maja 2009 g.). Vyp. 8 (15). M., 2009. S. 107–111.]

Залязняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М., 2013. 635 с. [Zaljaznjak Anna A. Russkaja semantika v tipologicheskoj perspektive. M., 2013. 635 s.]

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М., 2009. 352 с. [Kolosova V. B. Leksika i simvolika slavjanskoj narodnoj botaniki: Jetnolingvisticheskij aspekt. M., 2009. 352 s.]

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург). [Kartoteka Slovarja govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo jazyka i obshhego jazykoznanija UrFU, Ekaterinburg).]

Павлова А. В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2012. № 16 Online. С. 3–60. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf. [Pavlova A. V. Mozhno li sudit' o kul'ture naroda po dannym ego jazyka? [Electronic resource] // Antropologicheskij forum. 2012. № 16 Online. S. 3–60. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf.]

Руссо М. М. Типология семантических переходов в области «наивной биологии» // Вопр. филологии. 2008. № 3. С. 92–100. [Russo M. M. Tipologija semanticheskih perehodov v oblasti «naivnoj biologii» // Vopr. filologii. 2008. № 3. S. 92–100.]

Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» [Электронный ресурс] // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М., 2012.

Вып. 4. С. 148–176. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/sbornik_kiya.pdf. [Russo M. M. Neogumbol'dtianskaja lingvistika i ramki «jazykovoj kartiny mira» [Electronic resource] // Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov. M., 2012. Vyp. 4. S. 148–176. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/sbornik_kiya.pdf.]

СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. Новосибирск, 1999–2006. [Slovar' russkih govorov Sibiri : v 5 t. Novosibirsk, 1999–2006.]

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с. [Tihomirova A. V. Associativno-derivacionnaja i frazeologicheskaja semantika naimenovanij odezhdy v russkoj jazykovoj tradicii : dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2013. 350 s.]

Толстая С. М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов. Любляна, 2003 г. : докл. рос. делегации. М., 2003. С. 549–563. [Tolstaja S. M. Semanticheskaja rekonstrukcija i problema sinonimii v praslavjanskoj leksike // Slavjanskoe jazykoznanie. XIII Mezhdunar. s''ezd slavistov. Ljubljana, 2003 g. : dokl. ros. delegacii. M., 2003. S. 549–563.]

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с. [Tolstaja S. M. Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive. M., 2008. 528 s.]

Толстая С. М. [Рец. на кн.:] *M. Jakubowicz*. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odiedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s. // Этимология. 2009–2011. М., 2012. С. 335–346. [Tolstaja S. M. [Review of the book:] M. Jakubowicz. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odiedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s. // Jetimologija. 2009–2011. M., 2012. S. 335–346.]

Толстая С. М. Семантическая реконструкция и лексическая типология // Славянское языкознание. XV Междунар. съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. : докл. рос. делегации. М., 2013. С. 141–163. [Tolstaja S. M. Semanticheskaja rekonstrukcija i leksicheskaja tipologija // Slavjanskoe jazykoznanie. XV Mezhdunar. s''ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. : dokl. ros. delegacii. M., 2013. S. 141–163.]

Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава [I] // Вопр. языкознания. 1963. № 1. С. 29–45. [Tolstoj N. I. Iz opytov tipologicheskogo issledovanija slavjanskogo slovarnogo sostava [I] // Vopr. jazykoznanija. 1963. № 1. S. 29–45.]

Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава [II] // Вопр. языкознания. 1966. № 5. С. 16–36. [Tolstoj N. I. Iz opytov tipologicheskogo issledovanija slavjanskogo slovarnogo sostava [II] // Vopr. jazykoznanija. 1966. № 5. S. 16–36.]

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. [Toporov V. N. Issledovanija po jetimologii i semantike. M., 2004. T. 1 : Teorija i nekotorye chastnye ee prilozhenija.]

Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово — История — Культура : в 2 т. М., 2004. [Trubachev O. N. Trudy po jetimologii: Slovo — Istorija — Kul'tura : v 2 t. M., 2004.]

Тырпа А. Этнические стереотипы в разных языках: национальные? международные? универсальные? // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Екатеринбург, 2012. Ч. 1. С. 56–57. [Tyrpa A. Jetnicheskie stereotipy v raznyh jazykah: nacional'nye? mezhdunarodnye? universal'nye? // Jetnolingvistika. Onomastika. Jetimologija : materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 8–10 sentjabrja 2012 g. Ekaterinburg, 2012. Ch. 1. S. 56–57.]

Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Моск. лингв. журн. 2005. № 8/2. С. 5–21. [Shajkevich A. Ja. Russkaja jazykovaja kartina mira v rjadu drugih kartinok // Mosk. lingv. zhurn. 2005. № 8/2. S. 5–21.]

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М., 1977. 334 с. [Shmelev D. N. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika : ucheb. posobie dlja stud. ped. in-tov po spec. «Rus. jaz. i lit.». M., 1977. 334 s.]

Яворская Г. М. Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии. Киев, 1992. 111 с. [Javorskaja G. M. Leksiko-semanticheskaja tipologija v sinhronii i diahronii. Kiev, 1992. 111 s.]

AQUAMOTION. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007. 752 с. [AQUAMOTION. Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya / red. T. A. Majsak, E. V. Rahilina. M., 2007. 752 s.]

Brown C. Lexical Typology from an Anthropological Point of View // Language Typology and Language Universals: An International Handbook. Berlin ; New York, 2001. Vol. 2. P. 1178–1189.

Dial-Brno — Archiv lidového jazyka dialektologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, Brno (архив отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики, Брно).

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słównika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odiedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s.

Koch P. Lexical Typology from a Cognitive and Linguistic Point of View // Language Typology and Language Universals: An International Handbook. Berlin ; New York, 2001. Vol. 2. P. 1143–1175.

Koptjevskaja-Tamm M. Approaching Lexical Typology // From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. Amsterdam ; Philadelphia, 2008. P. 3–52.

Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954. 366 p.

Malkiel J. Etymology and Structure of Word Families // Word: Linguistics Today: Published on the Occasion of the Columbia University Bicentennial. 1954. Vol. 10. № 2–3. P. 265–274.

Malkiel J. Etymology and General Linguistics // Word: Linguistic Essays: On the Occasion of the Ninth International Congress of Linguists. 1962. Vol. 1–2. P. 198–219.

Schröpher J. Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? // Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists (London, 1952). London, 1956. P. 366–371.

Zalizniak Anna A., Ganenkov D. S. A Catalogue of Semantic Shifts in the Languages of the World: A Contribution to Slavic Cognitive Linguistics // Cognitive and Functional Perspectives on Dynamic Tendencies in Languages. Tartu, 2008. P. 189–191.

Zalizniak Anna A. et all — *Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics. 2012. № 3. P. 633–669.

Статья поступила в редакцию 11.07.2014 г.